

от 11 АПР 1936

Москва

Газета №

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

ВСТРЕЧИ

Первый раз я увидел и услышал В. В. Маяковского в 1917 году. Идя на занятия в студию Федора Комиссаржевского, в Настасьинском переулке, я заметил, что в маленьком, вросшем в землю домике рядом с казначейством, где помещалась раньше не то прачечная, не то сапожник, на стекле окошка нарисован ряд каких-то пероглифов и физиономий. Я с любопытством посмотрел в окно и увидел, что в мастерской что-то красят, строят — все это имело вид ремонта на «скорую руку». Я продолжал смотреть на окно и на нарисованные на нем знаки и фигуры. Изнутри помещения к окну подошли двое в перепачканных блузах: один — громадного роста, другой — маленький с кистью в руках. Маленький состроил мне рожу, но я продолжал смотреть в окно. Тогда он, поглядывая на меня, стал быстро рисовать на стекле круглую физиономию в студенческой фуражке. Не успел я сообразить, что на стекле рисуют мою физиономию, как изображение было готово. После этого большой, взяв другую кисть, нарисовал только одну фуражку и под ней поставил вопросительный знак. Знаками меня спросили — понравилось ли мне. Я ответил — да и пошел в студию.

На следующий день я заметил на входной двери каракули: «Кафе поэтов». Вечером я зашел туда и впервые увидел и услышал Маяковского. Он читал «Облако в штанах». Там же мне показали Бурлюка. Я узнал рисовавших меня художников.

И «Облако в штанах» и манера Маяковского читать и разговаривать произвели на меня очень большое впечатление.

Мое же изображение на стекле, вместе с другим физиономиями, так и осталось на окне кафе.

В своей театральной работе и театральных симпатиях Маяковский

всегда был близок к народному театру и народному зрелищу.

Он симпатизировал цирковому артисту Лазаренко и привлекал его к участию в «Мистерии-Буфф», он любил и привлекал к работе Ярона, с восхищением отзывался о ленинградском опереточном тогда артисте Ростовцеве.

В 1918 г. я короткое время работал в Никитском театре в оперетте Евелинова. Увлеченный уже тогда Маяковским, я позвонил ему по телефону и попросил его написать мне несколько злободневных куплетов для роли Вун-Чхи в «Гейше». Я был абсолютно неизвестен. Можно было подумать, что уже начавший греметь в то время Маяковский обидится на такую просьбу «неизвестного опереточного актера». Я был почти удивлен, когда Маяковский с увлечением согласился на мою просьбу и обещал написать куплеты: его не пугали ни улица, ни оперетта. Но на это не согласился... Евелинов, доживавший, правда, со своей опереттой последние дни.

В дальнейшем, как-то в Доме печати В. В. дал мне еще ненапечатанное «Солнце» для чтения в концертах.

Весной 1921 г. мы встретились на первой репетиции «Мистерии-Буфф» в театре Мейерхольда — тогда театре РСФСР 1-м. Репетиция была на воздухе, в саду «Аквариум». Мы уже встретились как старые знакомые.

В. В. принимал деятельное участие в постановке, давал часто чисто режиссерские указания, тут же исправлял и дописывал текст. Так, на репетициях он написал экспромтом реплику для моей роли «Меньшевика»: «Одному бублик — другому дырочку от бублика — это и есть демократическая республика».

Один из персонажей — поп — предлагает другому что-то продать на Сухаревке. К моменту одной из репетиций Сухаревку уже закрыли, о чем этот последний персонаж и заявляет попу экспромтом на репетиции. Тогда Маяковский тут же, на репетиции, подсказывает попу реплику: «Ничего, смиренный инок; остался Смоленский рынок».

Реплика про бриллианты, что теперь «если имеешь камни в печени, то и то чувствуешь себя обеспеченней», — также была придумана на одной из репетиций.

Все эти экспромты вызывали аплодисменты как у актеров — на репетициях, так в дальнейшем и у публики — на спектакле.

Я играл в «Мистерии-Буфф» две роли — Немца и Меньшевика. Исполнением обеих ролей Маяковский был доволен. Именно в роли Меньшевика я получил первую мою отчасти известную «известность». Мне чрезвычайно приятно знать, что этот мой первый шаг и успех связан с Маяковским.

Дальнейшая встреча в работе с Маяковским была в «Клопе». Мне не особенно понравилась моя роль при прочтении пьесы. Мейерхольд посоветовал мне попросить Маяковского прочитать пьесу и мою роль. В чтении Маяковского, а также в беседе с ним я понял «суть», «изюминку» роли, я нашел для себя, от чего оттолкнуться и чем увлечься в этой роли, нужно было показать, казалось бы, безобидный, но вместе с тем страшный образ холода и хама.

Маяковский входил во многие детали постановки. В работе он был чрезвычайно терпелив, деликатен, он был совсем непохож на резкого и грубого «Маяковского», каким он часто выглядел на театральных диспутах. Только однажды, помню, на репетиции «Мистерии-Буфф» при нестерпимо плохом исполнении какой-то роли очень плохим актером, он остановил репетицию и предложил: «Скажите «папа», скажите «мама». Когда неудачный актер даже этих слов не мог произнести, Маяковский обратился с просьбой к Мейерхольду переменить этого исполнителя.

Кроме этой работы, я помню Маяковского блестящим оратором и соратником Мейерхольда на многочисленных театральных диспутах. Как жаль, что не сохранились записи выступлений Маяковского.

Каждый раз, когда вспоминаешь о Маяковском, сердце сжимается от жалости, что его нет среди нас. Каждый раз продолжаешь думать, как бы отнесся Маяковский к тому или другому явлению советского искусства, и жалеешь, что не успел он показать себя драматургом «во весь голос».